

Н·С·ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Таинственные предвестия
(Рассказы кстати #4)

Содержание

Глава первая	0005
Глава вторая	0007
Глава третья	0011
Глава четвертая	0017
Глава пятая	0021
Глава шестая	0023
Глава седьмая	0027
Глава восьмая	0031
Глава девятая	0037
Глава десятая	0042
Глава одиннадцатая	0045
Глава двенадцатая	0052
Глава тринадцатая	0058
Глава четырнадцатая	0062

Николай Лесков
Таинственные предвестия

Глава первая

При толках о возможности близкой войны, недавно, как встарь, говорили о разных необыкновенных явлениях, которые, по мнению верующих, должны предвещать необыкновенные события. В Киеве, например, у храма Трех Святителей найдены в необыкновенном положении два человеческие скелета; в Кронштадте родился необыкновенный младенец, который тотчас же заговорил, что ему надлежит наречь имя «Иоанн»; прилетные грачи не заняли старых гнезд по набережью взморья, а завились ближе вовнутрь; многим был видим редактор Комаров в сербском военном убранье...

Эти, а также и некоторые другие, столь же замечательные или, по крайней мере, очень редкие события в первых числах апреля месяца 1885 года отмечены русскими газетами великой и малой печати, и истолковывались как «предвещания» той «близкой войны», о которой в истекшие дни все говорили и все ждали решительных известий. Особенным значением пользовалось «проречение крон-

штадтского младенца».

Полагали, что «Иоанник» не остановится на одном провещании своего имени, а скоро скажет и еще что-то более обще-интересное, – потом стали даже опасаться: не скрывают ли по каким-нибудь соображениям то, что говорит «Иоанник».

В виду таких событий, может статья, не излишним будет рассказать, что в этом же чудесном роде случалось у нас прежде.

Одно из таковых, как мне кажется, весьма интересное событие, – достойное внимания по своей образности и по полноте объяснения, – я нашел в принадлежащих мне отрывочных записках одного лица, пользовавшегося особенным вниманием весьма известного общественного деятеля и писателя, Андрея Николаевича Муравьева. Там оно значится под заглавием: «Событие о сеножатех».

Дело касается загадочного происшествия, которое случилось как раз за год перед Крымскою войною и заставило говорить о себе многих в Петербурге и в других местах.

Вот что сохранилось об этом в заметках современника.

Глава вторая

Раз, летом 1852 года, покойный император Николай Павлович, в каком-то разговоре с графом Протасовым, поинтересовался Валаамским монастырем. Граф не был приготовлен к вопросам государя, но не хотел обнаружить своей неготовности и, начав отвечать бойко и речисто, увлекся до некоторой неосторожности. Он необыкновенно нахвалил государю Валаамскую обитель со стороны красот ее островного местоположения, аскетического благочестия ее обитателей, их превосходных хозяйственных учреждений и необыкновенных успехов их в садоводстве и огородничестве, причем было что-то говорено и о винограде.

Государь находился в самом благоприятном расположении, чтобы выслушать рассказ графа, и особенно заинтересовался виноградом, а потом заметил:

– Это все любопытно. Брат Александр был там, и я помню, что монастырь произвел на него сильное впечатление. Там бы стоило побывать.

Граф, в каких он знал – соответственных выражениях, отвечал государю, что проехать, действительно, стоит, а государь уронил в ответ на это: «да, да», и перешел к другим речам.

Было ли у государя серьезное намерение посетить Валаам или замечания его были высказаны вскользь без дальнейших последствий, но граф Протасов тотчас же после описанного разговора поехал прямо из дворца в лавру к бывшему тогда митрополиту Никанору[1] и сообщил ему слова императора, – как событие, которое немедленно требует подготовительных действий.

Граф был беспокоен, потому что он не хорошо знал Валаам и опасался, не проскользнуло ли в его ответах государю чего-нибудь несоответственного и опрометчивого. Графу, конечно, была известна необыкновенная памятьливость государя и его строгость, если он узнает обман. Следовательно, если государю вздумается поехать на Валаам, да он найдет там что-нибудь не то, что ему рассказал граф, то ему от императора достанется. А что государь ничего не забудет и обстоятельно срав-

нит рассказ графа с действительностью, в том тоже не могло быть ни малейшего сомнения.

Беспокойство графа не показалось напрасным и владыке Никанору. Напротив, оно еще значительно возросло в митрополите, так как высокопреосвященный проживал в Петербурге в епископском сане с 1848 года, а на Валааме тоже еще не бывал; и теперь, когда обер-прокурор заговорил с ним, он почувствовал, что и сам не знает – в какой степени действительность Валаама отвечает словесным изображениям графа. Особенно внешний порядок и чистота, которые обыкновенно не скрывались от глаз императора, легко могли быть ниже того, что о них было рассказано. Все это высокопреосвященный сам и выразил графу.

– Ну, вот видите ли, как оно есть! – отвечал на то граф.

– Это никуда не годится. Так и мне, и вам может быть очень неприятно. Вы знаете, как государь пронизателен.

– Знаю.

– Ну, так я бы советовал вам предупредить государя и самим туда съездить – поклониться святыням и все посмотреть и исправить.

Митрополит согласился.

– Я и сам, – говорит, – давно желал поклониться преподобным Герману и Сергию.

Граф одобрил и вызвался сам доложить государю об этом намерении.

Протасов с этим уехал, а высокопреосвященный Никанор обратился к лаврским записям и к старым инокам лавры за справками: когда и кто из петербургских иерархов ездил сам на Валаам и какие это имело последствия?

Оказалось, что из всех митрополитов, бывших прежде высокопреосвященного Никанора, совершал паломничество на Валаам только один Михаил,[2] и цель его путешествия тоже была сложная: главное влечение, разумеется, было поклониться мощам преподобных Германа и Сергия, но совпала эта поездка владыки с дошедшим до него слухом, что покойный государь Александр Павлович желает съездить помолиться на Валаам.

Глава третья

Это было летом 1819 года, и именно в половине июля. Одиннадцатого числа июля, в день св. благоверные княгини Ольги, одна из посетивших владыку тезоименитых дам большого света сообщила преосвященному, как кому-то случилось заинтересовать государя рассказом о духовной жизни, о прозорливстве и других особенных дарованиях валаамских скитников и схимников, а шестнадцатого числа того же июля владыка Михаил «прибыл уже на Валаам на трех лодках в сопровождении Выборгского протоиерея, иеромонаха, двух иеродиаконов, четырех певчих и прочих духовных и светских лиц. Митрополит Михаил пробыл здесь четыре дня (16–20 июля), – служил, молился, провожал покойника и шествовал со славою, и 20 июля отплыл на лодках». (См. описание Валаамского монастыря. Спб., 1864 г.). А «в августе на Валааме разнеслось известие, что к десятому числу туда будет государь». Слух этот скоро и оправдался: «уже шестого августа получено было с нарочным от министра духовных дел,

князя Голицына, игуменом Валаамского монастыря письмо, в котором изъяснена высочайшая воля государя императора *непрерывно* быть в монастыре, и повелено: не готовить ничего, – церемонии не делать, а принять самодержавного посетителя как *благочестивого путешественника*» (ibidem).

Государю Александру Павловичу очень хотелось видеть отдаленную обитель так, как она есть – ничем не приспособленную к нарочитому приему, а в простом, в обычном строе ее общежития, но это не удалось. «Описание» сообщает, что усердные иноки не могли совладать с охватившею их радостью и едва государь прибыл в Сальму, как его здесь уже встретил валаамский эконоом Арсений. Правда, что эконоом как будто случился здесь по экономическим надобностям обители, а это было в порядке вещей, но тем не менее государь Александр Павлович едва ли принял это за простую случайность, и во всяком случае он воспользовался свиданием с эконоомом и сам настойчиво выразил ему свое желание освободиться от всяких встреч и от всякого особенного почета на Валааме. Государь Алек-

сандр Павлович «сам» подтвердил эконому, чтоб встречи никакой не было, чтоб служб церковных не прибавлять и не убавлять, а быть всему по монастырскому положению, чтобы рук у его величества не целовать и в ноги ему не кланяться. (Опис. Валаам, монасты., стр. 195).

И более того: «склонный к тонкой деликатности, государь, чтобы не смущать тишину скитской жизни и не нарушать богомысленного настроения братии блеском и многолюдством придворных, переплыл на Валаам, не взяв с собою никого, кроме „одного камердинера“. Но в монастыре все-таки узнали о приезде его величества, когда он уже всходил по гранитной лестнице. Тогда *затрезвонили во все колокола*, и братия начала сходиться со всех сторон к собору. Государь стоял на церковном крыльце и внимательно изволил смотреть на монахов, *поспешавших друг перед другом*» (196). Это было уже не то, чего хотелось государю.

«Взойдя в собор, государь стал посредине церкви, игумен был в ризе и с крестом, а иеродиакон в стихаре, царские двери отворе-

ны и иеродиакон возгласил многолетие».

Государь выслушал эту встречу и пошел «прикладываться к местным иконам», а игумен, тем временем, снял с себя ризу и «стал за амвоном с братиею».

«Государь подошел к нему и принял благословение сначала от него, а потом от всех иеромонахов, *целуя у каждого руку, но своей никому не давая*; затем кланялся всей братии». Всем этим государь Александр Павлович сколько удовлетворял своему собственному настроению, столько же и давал чувствовать братии – в каком духе им надлежало держать себя в его присутствии; но братия, в ответ на поклон императора, «поклонилась ему в землю» (*ibidem*). Тогда государь уже сказал прямо в лицо инокам, «чтобы ему никто не кланялся поклоном в землю, подобающим только Богу».

В этом же роде случилось нечто и в отношении служб: государя опять, спрашивали, как служить, – он опять просил служить все по установлению. Ему все хотелось, чтобы на него не обращали внимания, а инок Савватий во время службы оставил свое место, чтобы

«поднять перчатку», которую уронил государь, и «его величество не допустил до этого отца Савватия» Одну службу затянули так, что «иеросхимонах-пустынножитель Никон, в присутствии государя при привычном внимании и напряженном слушании божественного пения, выпустил костыль из рук и упал, а государь его поднял и посадил» (ibidem).

Когда все это было приведено на память высокопреосвященному Никанору, он увидел, что есть очень большая надобность подготовить валаамских отшельников к тому, чтобы они могли держать себя при встрече государя Николая Павловича соответственнее того, как держали себя, встречая покойного Александра Первого. А для того, чтобы такую подготовку сделать многостороннее и избежать недосмотров, допущенных митрополитом Михаилом, высокопреосвященный Никанор пришел к очень счастливой мысли – повести с собою на Валаам не одних спутников из столичного духовенства, которые могли дать инокам подходящие советы в отношении богослужения, но также пригласить с собою и двух-трех мирян из таких людей, кото-

рые совмещают в себе настоящее русское благочестие и настоящее знание этикета и вкусов государя.

В таких лицах тогда недостатка не было. К митрополиту была вхожа целая группа светских людей, из коих каждый мог основательно оспаривать у другого право и на общественное уважение, и на набожность и благочестие. Таковы, например, были: Степан Онисимович Бурачок (изд. «Маяка»), граф Дмитрий Николаевич Толстой, Андрей Николаевич Муравьев, Андрей Андреевич Вагнер, Аркадий Николаевич Мазовской и Иван Якимович Мальцев.

Выбор был свободный, так как каждое из этих лиц отвечало целям, которые имел митрополит, и каждое, конечно, изъявит полнейшую готовность с рвением принести свою долю ожидаемой от него пользы.

Мысли владыки втайне намечали отдать пред всеми предпочтение Андрею Николаевичу Муравьеву, но судьба и разные неожиданные вещи устроили все это иначе, и притом гораздо лучше и ко всеобщему удовольствию многих.

Глава четвертая

Единомысленное содружество или «братство», состоявшее из Бурачка, гр. Дм. Н. Толстого, Андрея Н. Муравьева, Андрея А. Вагнера и Ивана Якимовича Мальцева, само признавало или, лучше сказать, чувствовало над собою нравственное старейшинство Андрея Николаевича Муравьева и было от него в некоторой авторитетной зависимости. Он их тихо, но плотно подавлял известными превосходствами своей натуры – смелостью, оригинальностью и беззастенчивостью; притом все они признавали в нем большой ум и талант и знали, что высокопреосвященный Никанор отличает его от прочих и «помогает ему» так чувствительно, что это давало повод многим утверждать, будто Муравьев «жил за счет митрополита».[3]

Андрей Н. Муравьев – лицо очень замечательное, оригинальное и до сих пор еще никем не описанное с тою тщательностью, какой заслуживает этот характерный представитель своего времени. У меня кое-что собрано для его характеристики; владеют также дра-

гоценными в этом отношении материалами и другие, но в настоящем рассказе, конечно, нехстати подробно заниматься этим любопытным делом, которое должно составить предмет особого сочинения. Тут отметим об Андрее Николаевиче только вскользь, что идет к речи о значении сего лица в известном в свое время «религиозном братстве», из которого были взяты светские спутники при путешествии митрополита Никанора на Валаам.

Андрей Николаевич, поссорившись с синодальным обер-прокурором графом Протасовым, потерял свое место в синоде и остался при небольшом жалованье в тысячу рублей, которое ему отпускали из сумм министерства иностранных дел. С этими средствами он нуждался очень, и ему помогали многие, отчасти чувствовавшие некую духовную связь с ним, а отчасти «будировавшие» таким образом против графа Протасова. Митрополит московский отдал ему для житья большое помещение на Троицком подворье, у Аничкина моста, а петербургский митрополит «поддерживал его денежно». В последнем с владыкою

Никанором участвовали и другие из лиц духовных и светских.

Андрей Николаевич в этом отношении обладал большим тактом и отлично умел группировать знакомство. Резкие люди не без оснований называли его «салопницей». Будучи сам беден и нуждаясь в помощи, он группировал нужных ему людей в кружок и «доминировал над ними» силою своего духовного авторитета. Над этим шутили, и он сам в шутку называл свой круг «своим светским приходом» и собирал этих прихожан к себе в митрополичьи покои на так называемые «светские всенощные».

«Светские всенощные» – это собственно был вечерний чай, на который заходили к Андрею Николаевичу его друзья по окончании всенощной службы в митрополичьей церкви.

Андрей Николаевич, будучи достаточно смешон и уязвим во многом, имел слабость всем и всему давать особенные названия или клички. Как вещи, так и люди назывались у него не своими именами. Следуя такой привычке, он одну из комнат своего помещения в

митрополичьих апартаментах уставил скамьями, застлал скатертями и назвал «боярской палатой». А как на стенах этой палаты он развесил портреты знакомых ему патриархов, то приглашение пить здесь чай выражалось словами: «пить чай под патриархами». Люди у него тоже ходили все с особыми кличками, часто весьма неудачными, а иногда и довольно плоскими. Особенно молодежь, или его «пажи», и «берейторы», которые при нем состояли и являлись «по очереди», – эти Ганимеды все откликались не на свои имена, а на данные им клички. Но об их кличках и о них самих поговорим в другое время и в другом месте, а теперь о «чае под патриархами».

Глава пятая

Волею-неволею и своею охотою отрешившись от «света», Андрей Николаевич Муравьев старался показывать, что он «светом вовсе не дорожит», но на самом деле он никогда не переставал интересоваться всем, что делается в «больших сферах», и имел все там происходившее на слуху. Если мы назовем здесь хоть несколько лиц из его постоянной компании или, как сам он называл, из его «прихода», то всякому станет ясно, что он и мог иметь очень скорые и очень верные известия.

К Муравьеву «пить чай под патриархами» собирались, между прочим, известная Татьяна Борисовна Потемкина, графиня Ламберт (рожденная Канкрин), Мальцева, Марья Яковлевна Веригина (рожденная Булгарина) – жена Александра Ивановича Веригина, бывшего генерал-губернатора, – Александра Федоровна Туманская (рожденная Опочинина), сестра ее Горяинова, жена Николая Михайловича Лонгинова, Мария Михайловна (рожденная Корсакова) и др. А из мужчин – Абамелик

(женатый на Лазаревой), Мезенцев, Сивере, Эвальд, Мазовской, Павел Петрович Мельников, Вагнер и Шаховской. Все эти люди постоянно вращались в разных тогдашних деловых кружках: везде собирали всякие сколько-нибудь интересные новости и сносили их в «боярские палаты» к Муравьеву, который выслушивал их по виду с некоторым пренебрежением, но в самом деле – с большим вниманием и никогда не упускал того, что могло касаться каких-нибудь личных его видов.

Из лиц, сейчас нами названных, один даже имел долг или обязанность всегда являться в собрание «под патриархами» *непрерменно* с новостью и за то получил от Андрея Николаевича кличку «Репетилов».[4]

Глава шестая

«Репетитов» приходился сродни Андрею Николаевичу (племянник) и занимал такую должность, по которой мог скоро и верно знать новости Двора. А потому при «чае под патриархами» он был интересная персона, которую всегда встречали с любопытством и которой потому даже дозволялось запаздывать и являться «под патриархов» не из церкви, а прямо из города, лишь бы только его «вечернее приношение было в порядке».

«Приношения» к «чаю под патриархами» были не только в обычае, но это, так сказать, составляло необходимое условие. Андрей Николаевич не скрывал, что его дела находятся в большом стеснении, но, напротив, он сам говорил об этом всем и своей веселою откровенностью довольно легко и благоуспешно выходил из затруднений, не испытывая лишений.

– Трудящийся достоин mzды, – говорил шутя, но с серьезными целями Муравьев. – Я вас просвещаю, а вы меня кормите. Без меня вы ничего бы не знали, а я напишу моим золо-

тым пером, что вам нужно знать, и вы будете знать.[5]

Поэтому являлись с приношениями все приходившие «под патриархов». Не освобождались от этого даже и люди совершенно бедные. Из тех один (В.) был обязан приносить сливки, другой (А.) – калачи, и т. д. – кто что мог. У кого не было ничего своего для приношения, тому Андрей Николаевич доставал возможность отбывать свою повинность на счет «вверенной части», – так, например, М. Э. и С. присылали ему верховых лошадей из берейторской школы, и он совершал на них по городу свои прогулки, которые обращали на него внимание и не позволяли забывать о нем людям беспамятным. Но всех исправнее и всех щедрее в приношениях были вышеназванные дамы, между коими находились обладательницы огромных состояний. Их попечениями Андрею Николаевичу доставлялось не только все существенно необходимое для безнуждного существования, но также не мало и излишнего. Дамы только иногда затруднялись знать, что нужно Андрею Николаевичу или что ему желается; но в этих случаях их

обыкновенно выручал тезка Андрея Николаевича – «корнет-хохол» А. А. Вагнер, который был одно время как бы наперсником Муравьева и его ризничим и кравчим его «боярской палаты». Как бы тщательно ни был пополнен весь палатский инвентарь Муравьева, Вагнер всегда умел указать желающим услужить Андрею Николаевичу – что еще может быть предложено к его благоугождению. Даже, если было укомплектовано все, – то и тогда еще желающим приносить не приходилось тосковать в неведении, что может быть предметом новых приношений. Андрей Николаевич постоянно носил дома черные полукафтаны (архалуки) из шелковой материи, устроенные так, что они должны были застегиваться на пуговицы, но пуговицы к ним не пришивались, а только прометывались петли. В эти петли вставлялись запоны из драгоценных цветных камней, обделанных в серебро или в золото. Пуговицы одного какого-нибудь цвета Андрею Николаевичу надедали, и он имел разные смены: яхонтовые, изумрудные, рубиновые, янтарные. Новая смена в этом роде всегда приносила Андрею

Николаевичу удовольствие, а Андрей Андреевич Вагнер знал вкусы «брата Андрея» и всегда мог помочь дамам, затруднявшимся – какое приношение было уместнее во всякую данную минуту.

Понятно, что так хорошо обставленный А. Н. Муравьев был неупустительно извещен о том, что случилось после мимолетного разговора государя с графом Протасовым о Валааме, и предполагавшаяся поездка митрополита вызвала в Андрее Николаевиче свои соображения.

Дело представлялось так, что Андрею Николаевичу, кажется, следовало бы иметь первое место и главную роль в этом паломничестве, и так как с мероприятиями по этому поводу медлить было некогда, то Андрей Николаевич тотчас же и сделал свои распоряжения по причету.

Глава седьмая

У них в «братстве» был такой порядок, что к концу «чая под патриархами» Андрей Николаевич, как «настоятель», назначал подначальным ему младшим братьям – куда им надлежит являться на завтрашние воскресные службы.

Назначения эти делались всякий раз по непосредственному его усмотрению: часто, например, назначалось посетить «внезапно» ранние службы у Пантелеймона или у Симеона, где Андрей Николаевич преследовал известные ему упущения (особенно леность какого-то диакона), но иногда надобность указывала им явиться «внезапно» в других храмах, – и все эти распоряжения давались только накануне, под «патриархами», так что об этом никто не мог предупредить неисправных священнослужителей, и Андрей Николаевич с «братиею» настигали упустительных врасплох, со всеми слабостями, и тут же взыскивали или исправляли.[6] Если же все по храмам епархиального ведомства в столице шло в порядке и упущений нигде не предви-

делось, тогда Андрей Николаевич позволял себе и своим братьям высшее духовное удовольствие: они все могли съезжаться в Александро-Невскую лавру, в Крестовую церковь митрополита, и там даже принимать возможное для мирян личное участие в службах. Из «братии» Андрей Николаевич Муравьев и Андрей Андреевич Вагнер почитались за хороших чтецов, и им дозволялось читать в Крестовой церкви за всеюшнюю шестопсалмие. (Сам митрополит слушал это чтение, сидя у окна, которое было проделано в церковь из его столовой.) Вагнер и Муравьев читали «каждый в своем роде»; но как одним из их слушателей больше нравилось чтение Муравьева, а другим был приятнее Вагнер, то в общих интересах, для уравнивания слушателей, между обоими мастерами читать была установлена очередь: один раз читал «Андрей большой», а в другой – «Андрей меньшей», т. е. Вагнер.

Оба чтеца в очередь свою подготавливались к чтению и превосходили друг друга в своем искусстве, а потому случаи эти представляли интерес для компании и сопровождались

некоторою особенною торжественностию. В те дни, когда читали Муравьев или Вагнер, Андрей Николаевич приезжал в лавру один, так как он был очень честолюбив и занимал в церквах особые места (в Троицком подворье Муравьев, в отсутствие московского митрополита, стоял всегда на его месте), а весь остальной мужской персонал «братии» должен был приезжать разом «в курятнике». Это требует объяснения. «Братия» съезжалась сначала на Моховую, в дом секунд-майора Ивана Якимовича Мальцева, к обеду. Обед в таких случаях происходил ранее обыкновенного, и при последнем блюде к крыльцу подавалась большая четвероместная карета, которую, со слов Муравьева, называли «курятник». В этот-то «курятник» усаживались – сам чтец Вагнер («иже бысть первый по Фараоне») и знатоки службы: Бурачок, Толстой и сам секунд-майор Мальцев.

В Крестовой церкви оканчивалось служение, чтецы отличались, и затем все шли на чай к митрополиту, где и проводили час в приятных разговорах о том, что было на ту пору интересного в городе.

Муравьев имел полное основание рассчитывать, что в этот раз там дежурный разговор будет о Валааме, но, к крайней своей досаде, он очень грубо ошибся.

Андрей Николаевич понял, что это неспроста и что ему что-то подстроено.

Глава восьмая

Положение Муравьева в духовенстве было чрезвычайно странное. Близкий по своим отношениям к патриархам и вообще высшим иерархам, он вовсе не пользовался расположением клира. Напротив, он имел в числе священнослужителей множество недоброжелателей и даже некоторое число очень откровенных и смелых врагов, которые не боялись «ходить на него в одиночку». Из них один такой жил тогда в Невской лавре, – это был знаменитый синолог, архимандрит Аввакум, известный по своей учености, по благородной прямоте характера, по неукротимой пылкости и по анекдотической небрежности в отправлении совершенно несродных ему цензорских обязанностей, к которым он был назначен и потом отрешен. За продолжительную жизнь в Китае отец Аввакум совсем «отвык от европейской политики» и не скрывал никаких своих чувств: он гласно говорил, что «самое безвредное чтение – читать этикетки на бутылках, а самый противный человек на свете – Андрей Муравьев с братнею его». И

Андрей Николаевич это знал, потому что Аввакум однажды высказал всю эту тираду за столом в присутствии самого Муравьева; но Муравьев не мог ему ничего сделать и даже не дерзал его припугнуть. Он даже не выдумал Аввакуму никакой клички, кроме как «китаец», что, впрочем, составляло обыкновенное и даже известное в монастырском обиходе прозвание «Аввакума китайского».[7] Этот характерный старик терпеть не мог Муравьева будто бы за то, что он и его «иезуиты» «много стоят» высокопреосвященному Никанору и увлекают его «к светскости». Аввакум любил приволье и простоту, любил и уважал в человеке прямую доброту и честность, был заботлив о сиротах и не находил никакого удовольствия в сообществе светских людей, если они не занимаются «чтением этикетов». Положение же его было несравненно лучше и тверже положения Андрея Николаевича, которое всегда «зависело от игры обстоятельств», тогда как «китайский Аввакум» стяжал себе самую твердую репутацию и имел до шести тысяч рублей в год «получения» при готовой, неотъемлемой монастырской квар-

тире, выходявшей окнами как раз насупро-
тив митрополичьих покоев.[8]

Здесь он мог видеть из своих окон всех,
кто приезжал к митрополиту, и когда заме-
чал приезд Муравьева с его «братией», то впа-
дал в гневность, и если на тот случай был еще
«начитавшись этикетов», то не таился с свои-
ми чувствами, а открывал форточку и кри-
чал:

– Опять вы налетели, иезуиты!.. Пошли
вон, попрошайки!

И так далее, в этом роде.

Муравьев был очень самолюбив и мстите-
лен до бесконечности, и он нимало не таился
с этими качествами. Очень нередко он даже
своим приближенным и друзьям резко гово-
рил серьезным тоном:

– Прошу не забывать, что я *Муравьев*.

Но Аввакуму он возражать не смел и отыг-
рывался от его обид, представляя, будто их не
замечает. Иного ничего и не оставалось, пото-
му что если бы он напомнил ему, что он «Му-
равьев», то Аввакум у него в долгу бы не
остался, ибо почитал себя «ничим же мень-
ше» и, кажется, имел на то основание. Но и,

кроме независимого Аввакума, при особе митрополита были еще лица, в которых Муравьев также имел более или менее затаенных недругов. Таков был, например, знаменитый в летописях лавры протодиакон-монах Виктор.[9] Это был величайший знаток богослужебных церемоний, какому не было равных даже между протодиаконами, всегда ведущими весь порядок сложного архиерейского богослужения. Андрей Николаевич Муравьев тоже мнил себя знатоком этого предмета и от многих был почитаем за такое знание, но при познаниях, навывке и распорядительности Виктора все муравьевские сведения ничего не стоили, и Андрей Николаевич даже боялся говорить и не любил Виктора, как соперника, который подавлял его своим авторитетом. Андрею Николаевичу оставалось одно: держаться будто покровительствующего Виктору тона, а между тем ронять его потихоньку в глазах владыки сожалениями о «разночтениях», которым прилежал протодиакон по примеру Аввакума. Но это «сожалительное коварство» обнаружилось и поселило в сердце протодиакона горькие чувства против Му-

равьева, а серьезно повредить Виктору оно не могло, так как он был человек нужный и даже казался незаменимым. Притом же «разночтения» Виктора совсем не мешали делам службы. Протодиакон Виктор, хотя был от природы и прост и снисходителен, но тоже, подобно Аввакуму, посматривал на Муравьева свысока, как человек нужный на человека, представляющего из себя что-то такое, без чего все обходиться может.

Казалось, что Виктор иногда тоже, подобно Аввакуму, желал обнаруживать свое пренебрежение к Муравьеву очень открыто. Так, например, он часто обтирал со лба пот цветным фуляром перед самым лицом Андрея Николаевича, который находил такой «форс» со стороны протодиакона совершенно непозволительным.

Андрей Николаевич даже не раз ему говорил: «Вы меня этим просто убиваете»; но отец Виктор отвечал: «А что же, если у меня такая привычка», – и продолжал его «убивать».

Но кроме этих двух лиц, которые своего нерасположения не скрывали, но зато бились честным оружием в открытом бою, у Андрея

Николаевича при митрополите были еще два человека, в души которых было гораздо труднее проникнуть, чем в души Аввакума и Виктора; эти два лица были: письмоводитель митрополита Навроцкий и секретарь Ласский, оба из малороссиян, – люди тонкие и с влиянием. Притом последний из них, Ласский, тоже делал конкуренцию Андрею Николаевичу еще в том, что владыка считал этого своего чиновника за знатока «светской политики». Андрей Николаевич считал это за вопиющую несообразность, но отчасти, должно быть, в Ласском были политические дарования. По крайней мере мы должны так думать, судя по наступающему случаю, который обличал сообразительность Ласского в ущерб желаниям Андрея Николаевича, за «престиж» которого, однако, восстала сила судеб и подняла его как пренебреженный камень на самую главу угла.

Глава девятая

Когда Андрей Николаевич после всенощной вошел в апартаменты митрополита Никанора, он застал здесь те открыто и тайно неприязненные ему лица, о которых мы выше упомянули. Архимандрит Аввакум, который, по обыкновению, готов был всегда «будировать» против Муравьева, и теперь, при входе его, громко рассказывал кому-то, как просто жил в этом самом помещении предместник Никанора – митрополит Серафим.

– Вот, – говорит Аввакум: – эта комната была у него гостиная, и вот тут в стене было окошечко к его келейнику. Бывало, позовет к себе после всенощной кого-нибудь чай пить, а келейник не подает чаю. Он к окошечку и говорит: «Давай же скорее чаю!» А тот отвечает: «Подождите, владыко, – воды нет». И ждали, и не обижались, потому что к нему не приходили таковые, которые...

Андрей Николаевич почувствовал, что эти «таковые, которые» могут залететь в его огород, и поспешил проникнуть далее здесь стоявших и ожидавших выхода владыки. Этим

он избегал неприятности слушать Аввакума и всем дал почувствовать, что он «Муравьев».

Но зато самое свидание с глазу на глаз, наедине с митрополитом, Андрея Николаевича не порадовало. Его штатный «Репетилов» не оказался на полной высоте своего призвания и оконфузился. Он принес к чаю «под патриархами» не самое свежее приношение. Вести Репетилова не были самые свежие, и оттого вышли бесчисленные досаждения... Дело о путешествии на Валаам ушло очень далеко вперед против того, что было рассказано «под патриархами». Граф Протасов уже довел о желании митрополита до сведения государя, а государь приказал «снарядить экспедицию как можно приличнее». В таком случае, конечно, хорошо бы спросить Муравьева, но граф Протасов его не жаловал, а другие не желали о нем напомнить митрополиту, и потому вопрошен был Ласский, которого Муравьев в насмешку назвал «церемониймейстером».

Ласский, однако, имел вполне достаточную компетентность в деле, о котором его спрашивали, и никаких насмешек не заслу-

живал. Он знал, что плавание митрополита Михаила Десницкого «на лодках», при теперешних взглядах, не может быть признано за «приличное», и навел, где знал, справки, как плавал по петербургским водам при Петре Великом Феофан Прокопович. Справка показала, что судно, носившее владыку, ходило под митрополичьим флагом... Вот как приличествовало плыть и высокопреосвященному Никанору, который тоже любил пышность. Государь приказал дать митрополиту вместо двух лодок «два парохода и чтобы оба шли под митрополичьим флагом». Штаг своей свиты владыке предоставлено было составить по его непосредственному усмотрению, а он призвал на совет опять того же Ласского, и Ласский предложил такой подбор лиц, какого лучше нельзя выдумать для прикровенных соображений, руководивших экспедицией. С митрополитом ехали оба его секретаря – Навроцкий и Ласский, которые знали и историю, и епархиальные дела в совершенстве; архимандрит Сергиевской пустыни (впоследствии архиерей) Игнатий Брянчанинов, который знал и светское, и духовное не хуже, чем

Муравьев, но притом обладал еще ласкою и уветливостью прекрасного характера; архимандрит Аввакум-китайский, археолог, нумизмат и такой книговед, что ему довольно было поглядеть библиотеку, чтобы понять, что в ней есть и как ее показать лицом; протодиакон Виктор – тихий, смирный, голосистый и головастый, с замечательною манерою особенно хорошо носить волосы и вести служение в величайшей тишине и стройности. Он в один, в два приема мог исправить несоответственные манеры служения в любом малоискусном скитнике. Словом, никого не брали лишнего, но во всяком нужном роде был человек, вполне отвечающий требованию. А эти избранники, каждый по своей части, знали кого еще прихватить нужно; так, например, Игнатий Брянчанинов взял с собой из своей Сергиевской пустыни повара, православного чухонца, по имени Сергия. Это был «врожденный талант», который умел готовить монастырские трапезные кушанья – как никакой другой повар. Рассчитывали, что Сергий мог принести свою долю благих указаний на уединенном острове, где во многих от-

ношениях не знают лучшего, а держатся приемов рутинных. Из светских было приглашено несколько лиц из моряков, кажется, больше по выбору Брянчанинова. Муравьев и его клирики были «абортированы», и это было бы непоправимо, если бы, к счастью, не явился задержавший отплытие вопрос о флаге.

Глава десятая

Военные пароходы, на которых следовало плыть митрополиту, были готовы; но нигде не могли отыскать того флага, под которым плавал Прокопович. В лавре этого флага не оказалось и никто не знал, где его следует искать. Пришлось действовать наугад. Думали, что флаг может быть в синодальном архиве, и искали его, но не нашли. Потом пришло на мысль – не положили ли его, по миновании надобности, где-нибудь в запасных кладовых адмиралтейства, и опять тут везде искали, но тоже не нашли, и стали думать, что всякие дальнейшие поиски будут напрасны, потому что, очевидно, митрополичий флаг после Феофана легкомысленно почли за вещь, которая больше не нужна, и сунули его куда-нибудь небрежно, без описи и расписок, и он где-нибудь тлеет без всяких следов, а может быть даже и уничтожен каким-нибудь невежественным профаном, польстившимся на кусок материи. И когда явились такие, по видимому, весьма вероятные соображения, тогда пришли к заключению, что дело соб-

ственно не в том, чтобы отыскать старинный митрополичий флаг, а гораздо скорее и проще будет устроить такой флаг вновь и плыть под ним без задержания. Но тут обнаружилось наше обыкновенное русское небрежение в геральдических делах: несомненно было, что митрополичий флаг существовал, но какой именно он был, т. е. какого цвета и что на нем было изображено, – об этом нигде не нашли никаких записей и никаких рисунков. Тогда, чтобы не останавливаться бесконечное время на этом вопросе, для основательного разрешения которого не находилось никаких положительных данных, решились сделать поскорее новый флаг «с приличными изображениями», – и это так и сделали.[10]

Только эти хлопоты с флагом и были причиною того, что митрополит не отплыл без ведома Андрея Николаевича и что этот последний мог иметь при экспедиции на судах митрополита своих людей. Высокопреосвященный Никанор, в угождение ему, пригласил с собою Мазовского, Вагнера и еще кого-то... Компания составила не малая. Оба парохода в прекрасный, светлый, погожий

день отвалили с блестящим экипажем от петербургской пристани и направились вверх по Неве к Ладожскому озеру. А Андрей Николаевич остался в Петербурге, вероятно, не в наилучшем расположении духа, и ходил ли он в своем архалуке по pokojам Троицкого подворья, или ездил верхом в своем штатском плаще, — он, без сомнения, чувствовал желчную досаду от того, что терпел в угоду прихотям «гусара», как величал он графа Протасова.

Впрочем, такие удары ему были уже знакомы, и он их старался переносить с достоинством, что ему порою и удавалось.

Глава одиннадцатая

Между тем отплывшие под митрополичьим флагом суда совершали свой ход так весело и благополучно, что это навсегда оставило самое приятное впечатление во всех соучастниках эскадры. Погода стояла прекрасная; солнце горело на небе, воздух был тих и тепел, невозмутимая гладь вод блистала как зеркало. Везде, на встречных судах и по берегам реки, все замечались оживленные и веселые лица. Некоторые были даже очень веселы. В последнем роде отличалась публика, помещавшаяся на палубе небольшого частного парохода, который отвалил от другой петербургской пристани почти одновременно с эскадрою митрополита и, нагнав ее, шел за нею очень в небольшом расстоянии.

На этом пароходе было много кавалеров и дам: оттуда слышались звуки музыки, смех разных голосов и смешанный русский и иностранный говор.

Появление этого парохода с веселыми пассажирами было неожиданностию для митро-

полита и его спутников, и им удалось разгадать эту неожиданность только в Шлиссельбурге, где пароходы, прежде чем войти в озеро, пристали на короткое время, чтобы дать возможность пассажирам поклониться чудотворному образу, находящемуся в прибрежной часовне.

Оказалось, что это едет очень интересная компания милых и веселых людей, состоящая по преимуществу из французских и русских артистов и художников, тоже собравшихся полюбоваться красотами Валаама. Пришелся ли выезд их случайно в одно время с отплытием митрополита, или они, быть может, нарочно старались увидеть монастырский остров, когда там будут встречать высшего церковного сановника, — это осталось неизвестным. Одни говорили так, а другие иначе; но высокопреосвященный Никанор, чувствовавший себя тоже в прекрасном расположении, слушая сообщение об этом, не обнаружил ни малейшего неудовольствия и сказал:

— Господь с ними! они нам не мешают.

Услыхав такой снисходительный отзыв от владыки, некоторые из его свиты, заметив-

шие в числе артистов известного комика Мартынова, сделали было даже предложение пригласить его в Шлиссельбурге пересесть с частного парохода на казенный пароход митрополита, но высокопреосвященный Никанор улыбнулся и отвечал:

– Нет. Зачем его отрывать от своих. Всякому в своей компании свойственнее. Не станем мешать друг другу.

Пароходы вошли в озеро и, держась одного фарватера, опять пошли на виду и на слуху один у другого. Пассажиры их как будто не обращали друг на друга никакого внимания; но, однако, тем не менее, с обеих сторон можно было наблюдать взаимную деликатность. Несходные по своему положению путники старались ничем не стеснять одни других: митрополит не выходил на палубу, а сидел у открытого окна в рубке, а по другую сторону этого окна, против него, сидели на морских складных табуретах Брянчанинов и китайский Аввакум. Преосвященный и его спутники вели самые веселые и оживленные беседы. «Лицедеи» пели и шутили, но сдержанно; они, очевидно, старались умерять свое весе-

лье, чтобы оно не очень доходило до подвижного монастыря.

Тотчас по входе в Ладожское озеро начался обед, который был отдельно сервирован для мирян и для монахов. Для первых готовили обыкновенные морские «кохи», а для митрополита и его свиты изговлял трапезу тот знаменитый в свое время православный чухонец Сергей, кулинарными способностями которого скромно щеголял Игнатий Брянчанинов.

Тот, кто хотел быть «говейным» и, отказавшись от скоромной стряпни «кохов», присоединился к постной трапезе иноков, – был положительно в выигрыше, потому что отец Сергей на воде даже превзошел свою репутацию, составившуюся на суше. Впрочем, может быть, этому много помогал и свежий морской воздух, развивающий аппетит и поддерживающий легкое расположение духа.

Затем солнце стало склоняться к западу, пошло вечереть; с частного парохода порывами легкого ветерка доносилось отрывками стройное пение. Митрополит опять сидел у открытого окна рубки, а Брянчанинов дол-

го-долго глядел молча вдаль и вдруг, как бы забывшись, забредил стихами Пушкина, которых знал наизусть чрезвычайно много...

*В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И плеск, и тень, и говор волн.*

Владыка и Аввакум не прервали его; поклонив головами, они его тихо слушали... Протодиакон Виктор стоял у косяка, опершись головою о локоть, и тоже слушал... Его простое внимание было своего рода «народная тропа» к могиле певца. Вечер густел. На беловатом летнем северном небе встала бледная луна; вдалеке слева, на финляндском берегу, заяц затопил листвой печку, и туман, как дымок, слегка пополз по гладкому озеру, а вправо, далеко-далеко, начал чуть зримо обозначаться над водой Коневец.

Митрополит взглянул на часы и сказал:

– Мы опоздали ко всеобщей.

– Мы сейчас споем ее здесь, владыко! – отозвался Виктор, и в одну минуту достал и подал где-то близко у него под рукою лежавшую эпитрахиль Брянчанинову. Отец Игнатий

сейчас же ее надел и громко, вслух благословил царство вездесущего бога под открытым куполом его нерукотворного храма...

Виктор читал и пел наизусть. Аввакум пел с ним. Митрополит стоял у окна с сложенными на груди руками и молился... Другие, кто попал на эту отпетую без книг вечерню, стали на колена, – некоторые плакали...

О чем и для чего? – ведает гот, кому угодно было, чтобы «благоухала эфирною душою роза» и чтобы душа находила порою отраду и счастье омыться слезою.

Это была не всенощная, не вечерня, а какое-то вольное соединение того и другого или, еще вернее сказать, – это был благоговейный порыв высоко настроивших себя душ, которому знаток богослужения Виктор вдруг сымпровизировал молитвенную форму.

На пароходе было небольшое число взятых с собою митрополитом певчих, но их не позвали. Они бы, выстроившись с регентом, не так тепло воспели «славу в вышних Богу», как спели ее втроем «китаец», Виктор и Брянчанинов...

К концу их молений пароход был завиден

с Коневца, и по волнам озера поплыл навстречу путникам приветный звон...

На частном пароходе, где плыли артисты, все было тихо: пароход держался близко к судну митрополита, и артисты – дамы и мужчины – стояли у борта и... тоже молились...

Те, кто помнят описанное путешествие, никогда не говорили об этой минуте иначе, как с чувством живого восторга...

Глава двенадцатая

Ночевали у Коневца. Митрополит и более высокие из лиц его свиты почивали в помещениях монастыря (тогда еще очень не обширных), а все прочие ночевали где пришлось на своих судах. Пассажиры частного парохода все остались на судне, которому, вдобавок, и вполне удобного места для стоянки не было, так как у пристани стали военные пароходы под митрополичьим флагом.

Да экипаж частного парохода так преисполнился деликатностью, что и сам сторонился от митрополичьих судов, и на другой день утром снялся от Коневца и ушел в море ранее казенных пароходов.

На Валаам артисты прибыли за час или за полтора ранее прихода эскадры митрополита. Над артистами здесь шутили, что они, вероятно, пошли вперед, чтобы известить иноков о приближении именитого гостя, или поспешили, чтобы занять под себя помещения, а свиту владыки оставить без крова. Но в самом деле это было не так: артисты действительно укрывались, чтобы не стеснять своим появле-

нием лиц, положение и настроение которых не могло отвечать их положению и их настроению. Ими не руководили никакие другие соображения, кроме тонкой деликатности, столь много свойственной женщинам французской крови, которых было много в этой артистической компании, и они своим мягким влиянием давали тон всей группе. Они не хотели отказаться от возможности осмотреть Валаам, для чего выехали большою компаниею после больших и довольно сложных сборов, но хотели сделать это как можно незаметнее для настигших их внезапно попутчиков, и для этого как можно скорее ступешаться и, если можно, совсем скрыться с их глаз.

На пароходе под митрополичьим флагом ими теперь тоже не занимались, потому что свежее впечатление, охватившее всех вчера в начале плавания, теперь уже притупело после ночи, не совсем удобно проведенной в коневецких помещениях; да и притом, в конце перехода к Валааму, с большою серьезностью надо было обдумать, что там надо посмотреть и что приспособить на случай предвиденной

графом Протасовым возможности посещения острова государем.

Вообще настроение изменялось тут и там и не располагало более путешественников к шуткам.

На остров они прибыли, как я выше сказал, за час до парохода под митрополичьим флагом и застали тут совсем неблагоприятное для них положение: для них не было ни места, ни людей, которые бы имели время с ними заниматься, и если артисты съехались с митрополитом не случайно, а с расчетом видеть остров в минуты торжественной встречи высокого гостя, то этот расчет их выходил самым неудачным. Валаамская братия была более чем когда-нибудь усиленно погружена в деятельность, которую можно было замечать далеко с моря. Прежде чем нога путника становилась на берег, он видел, что зеленые острова усеяны иноками и послушниками в их белых холщовых кафтанах и таких же колпачках, и все они, не покладая рук, «ворошили» и гребли свежее, скошенное сено.

При приближении частного парохода, они было остановились, опершись на свои вилы и

грабли, но точно получили издали условный, побудительный знак и опять продолжали работать. Но зато, когда вслед затем в заливе показался митрополичий флаг и на колокольне раздался встречный звон, все эти «трудники» покидали на месте свои вилы и грабли и, бросив недокопненное сено в валах, бросились бегом к пристани, опережая друг друга, чтобы принять благословение и поцеловать руку любимого архипастыря.

Увидав эту картину – сбегающих с гор иноков, артисты, остававшиеся до сих пор беспристанными, поняли, что им тут и ждать нечего, и, как не в пору пришедшие гости, они ушли в дальние части лесистого острова и, пробродивши ночь, уехали на другое утро рано, когда братия еще молилась за заутреню в храме.

Впрочем, когда и как отплыли артисты, на это не обращали внимания и об этом и не говорили, потому что у каждого было много дела, а к тому же еще случился обративший на себя внимание необыкновенный случай: недокопненное вчера вечером сено было так и брошено в рядах на ночь, но утром оно ока-

залось все сгребено и сметано в копны...

Это было на виду у всех; никакой фальши или сомнения тут быть не могло: уснули – сено оставалось в валах, а когда встали – сено было в копнах...

Мало того, два брата-трудника, «производившие смолу» или гнавшие деготь из бересты (работа которых не могла быть прервана), робко и нерешительно рассказывали, что они, не спавши светлую ночью, видели, как из леса вышли некие «легкие естеством и препоясанные воздушного круга сеножати и начали метать сено». А братья-трудники, увидев таинственных сеножателей, отвернулись.

Они не знали, как им отнестись к появлению тех сеножателей, а когда настало утро, они увидели, что появление это было не призрак, потому что сено оказалось убрано и сметано в копны.

И вот все пошли, все посмотрели и все удивлялись: сено было в копнах...

Иноки крестились и отходили. Рассказ двух братьев-трудников о «сеножатах» передавался из уст в уста и дошел до митрополита...

Высокопреосвященный Никанор выслу-

шал об этом чудесном событии и улыбнулся. По-видимому, занятый настоящими целями своего приезда, он не расположен был придавать особенного значения происшествию с сеном, но некто из «птенцов Андрея», много писавший под диктовку своего учителя,[11] изложил в тоне своего учителя и представил митрополиту проект записи «дивного события о сеножатех...»

Владыка отверг эту литературу, а когда другие, желавшие поддержать «птенца», попробовали представить соображения, что событие о «сеножатех» не малозначуще, и что оно, без сомнения, находится в связи с значением, какое имеет посещение острова митрополитом, то преосвященный рассердился.

Запись «о сеножатех», сделанная птенцом муравьевского гнезда, так и осталась без санкции владыки и никуда не могла быть занесена, а только списана «для себя» теми, которых рассказанное таинственное событие особенно поражало и которым описание, сделанное ему муравьевским слогом, особенно нравилось.

Глава тринадцатая

К тому же, как приезд митрополита был легок и весел, так возвращение его вышло неблагоприятно. Он распределил свое время когда ему угодно было вернуться, и в тот самый день, когда хотел, тогда и отплыл. А между тем на заре, перед восходом солнца, в этот день по воде озера, щурясь, мигали, то расширяясь, то суживаясь, маленькие кружочки. Это называют, будто «кот плакав», и считают за предвестие к буре; и в самом деле поднялась буря, пошла бросать пароход, и пришлось убрать поскорее флаги... На пароходе появилось много больных, и не было того, кто бы мог приготовить трапезу, потому что о. Сергей, чухонец, лежал пластом на палубе, бледный как мел, и вопиял:

– Ой, моя мартонька!.. Вынимайте скорее с меня мою дусаньку.

Отец Виктор стоял над ним и уговаривал:

– Подожди умирать, – ты человек нужный.

Отец Аввакум был непоколебим, и то по особой причине.

Так приехали в Петербург все не в аванта-

же и прежде чем передавать о том, что и как учредили на Валааме, – все поспешили искать покоя и отдыха. Только одни строго-дисциплинированные «птенцы Андрея», ни минуты не упуская, явились донести ему о всем происшедшем и, конечно, изложили притом и историю «о сеножатах».

Андрею Николаевичу не понравилось, что такое достопримечательное событие могло произойти в его небытность.

Непосредственную связь между приездом на остров высокопреосвященного Никанора и появлением «сеножатай» Андрей Николаевич отвергал.

По его мнению, событие могло быть всегда, но оно действительно заслуживает внимания и исследования, а не такой «пусторамашки».

Из этого был вывод тот, что при митрополите не было надлежащих людей, которые бы знали, что надо делать, и – главное – которые сумели бы «бесстрашно настоять на том, что должно».

– Завтра я ему против этого пропишу, – решил Андрей Николаевич и назначил себе на

случай сего писания завтра «дежурного генерального писаря».

В назначенный день и час писарь сидел на месте и выводил быстролетным пером, что изрекал, быстро летая в своем бедуинском плаще, Муравьев.

Смысл писанья был тот, «что нельзя отрицать...» что «испытывать надо»: но тут вдруг совсем некстати доложили, что пришел актер Мартынов и непременно просит его принять.

Андрей Николаевич изумился и пошутил:

– Свят, свят, свят! Зачем ко мне «Филатка и Мирошка»? Не ошибся ли он дверью?

– Никак нет, – он к вам, ваше превосходительство.

– Час от часу не легче! Но кое же общение тьме со светом? Впустите его.

Впустили.

Иван Евстафьевич вошел и удивил еще более, объявив Муравьеву, что он желает говорить с ним с глазу на глаз и не может говорить при постороннем.

– Но это мой близкий человек, – отвечал Муравьев, указывая на секретаря.

– Все равно, я не могу ни при ком. Мура-

Вьев пожал плечами и сказал:

– Выйди на минутку.

А когда тот выходил, он добавил:

– Не вздумал ли он и здесь разыграть своего «Филатку и Мирошку»?

Глава четырнадцатая

Но игры не было. Набожный, как большинство русских актеров, Мартынов пришел к Муравьеву с испугом и за самым серьезным содействием.

Утром на репетиции он слышал от Максимова о бывшем на Валааме «чуде о сеножатах», которому будто Муравьев желает составить описание, как предвещательному к войне событию, – ибо были будто те сеножати не люди, но духи, а между тем...

Мартынов остановился.

Муравьев его поддержал:

– Договаривайте – я Муравьев.

– Извольте, – заключил Мартынов: – я договариваю: здесь ничего худого нет и никакого дурного умысла не было, а сено убрали мы.

– Как это вы?

– Мы, наша компания, – артистки и артисты... Мы ходили, бродили по острову в ожидании дня... пришли на место, где оставалось сено, и вилы, и грабли... Одна французская актриса взяла грабли и говорит: «давайте уберем за этих бедных старичков», и все стали

греть и копнить, и скопнили. Но теперь мне – как православному – это очень неприятно, и я пришел просить вас разъяснить это кому нужно и не допустить до ложных толкований.

– Благодарю, – произнес Муравьев и снисходительно протянул Мартынову руку, а бумагу, написанную ранее под диктовку, разорвал и поехал в лавру, где Аввакум видел его при вхождении и при выхождении от митрополита «в позе громадной».

Он одержал верх над всеми своими недоброжелателями и показал, что таких людей, как он, нельзя манкировать, потому что до них и отовсюду и всеми путями доходят обо всем известия.

И Аввакум, и Виктор, и Ласский с Навроцким должны были уступить и помолчать.

Это было летом в поздний сенокос 1852 года, и сочтено было за «предвестие войны», которой нигде не было на горизонте.

Андрей Николаевич очень эффектно разрушил это предсказание. Но не прошло года, как в мае 1853 года возник официально вопрос о «святых местах», и в Константинополь

был послан чрезвычайным послом князь Меншиков, а 14-го июня последовал высочайший манифест, которым повелевалось нашим войскам занять Дунайские княжества «с миролюбивыми целями»...

Муравьев вспомнил все это в некотором разговоре в Киеве, и сказал:

– Да, вот вам и разбирайте теперь – было ли это предвещательное «событие о сеножатах», а война была.

Впервые опубликовано – журнал «Новь», 1885.

Примечания

Никанор (Клеменьевский) был митрополитом новгородским и с. – петербургским с 20 ноября 1848 г. по 17 октября 1856 г., когда умер. Его заместил с 1 окт. того же года в. – пр. Григорий (Постников), ум. 17 июня 1860 г. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Высокопреосвященный Михаил (Десницкий) был митрополитом новгородским и с. – петербургским с 25 июня 1818 г. по день своей смерти, 24 марта 1821 года. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Муравьевых было пять братьев: Александр – бывший декабрист и впоследствии ссыльный, а потом губернатор и сенатор – Михаил (Виленский), Николай (Карсский), Сергей, служивший где-то в небольших должностях, и общеизвестный Андрей Николаевич, которого называли «вселенским». Он был «друг всех патриархов» и «эпитрон». Часть свою из наследства отца Андрей Н. отдал брату своему Александру, а сам жил на Троицком подворье, в прекрасном, впрочем, помещении, которое даром предложил ему покойный митрополит московский Филарет (Дроздов). (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Вот клички некоторых других «муравьевских прихожан»: Эвальд назывался «Аз и Ферт», Мазовской – «Кукушка», Вагнер – «Корнет-хол», Шаховской – «Колокольчик», Абамелик – «Зосима и Савватий». Дамы тоже имели клички. Пажи и берейторы назывались общим именем «сен-сиры», но степенью расположенности они пользовались у Муравьева неодинаково. В числе ласкаемой Андреем Николаевичем молодежи («сен-сиров») были тогдашние юнкера Шереметев и братья Алексей и Петр Ахматовы, из которых один потом был обер-прокурором св. синода. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Андрей Николаевич Муравьев писал золотым пером, которое было ему поднесено его почитателями, с надписью: «перо Муравьева». Куда оно делось – неизвестно. Писал он всегда прескверно и потому предпочитал диктовать. (Прим. Лескова.).

[^^^]

Если Андрей Николаевич приходил в церковь Пантелеймона перед начатием ранней обедни и видел, что священник готовится начинать литургию один, без диакона, которого Муравьев уже знал за человека ленивого к молитве, то Андрей Николаевич тотчас же просил батюшку « подождать », а за диаконом посылал сторожа с приказанием « поднять его с постели ». Сторож шел и исполнял поручение так успешно, что диакон приходил очень скоро и служил с благоговением. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Архимандрит Аввакум дожил свой обильный приключениями век и скончался в Александро-Невской лавре. Он погребен там же; подле церкви Благовещения, и над его могилою стоит так называемый «Китайский памятник». Китайская надпись иссечена на нем в Петербурге, но сочинена в Китае. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Аввакум получал около 4000 руб. пенсии за свою службу в Китае, да 2000 прибавочных. В некоторых сочинениях сказано, будто он был «казначеем» лавры, но это неправда. Аввакум казначеем не был и был так же неспособен к этой должности, как к должности цензорской. Он был очень добр и очень щедр, но все это под довольно грубою формою. Аввакум происходил из духовных тверской епархии. Цензорская проруха с ним случилась на книге архимандрита Израиля, где в вину Аввакуму была поставлена следующая неловкая строка: «блуд не был бы блудом, если бы не было учреждено таинство брака». Аввакум не оправдывался и не тужил, что его отставили. (Прим. Лескова.).

[^^^]

Мне случалось встречать в печати, что Виктора называют то «иподиакonom», то «архидиаконом». Как то, так и другое неверно. Виктор прославился в сане «протодиакона». Первый архидиакон в Невской лавре поставлен высокопреосвященным Исидором – это Валериан, а между ним и Виктором был еще протодиаконом Герман. Также читал я где-то, что будто Виктор выезжал с митрополитом Серафимом на площадь во время декабристского бунта и защитил митрополита. Это опять неверно: на Сенатской площади 14 декабря 1825 года с митрополитом Серафимом был протодиакон Прохор. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]

Замечательно, что и этот случай не исправил нашей характерной небрежности. Один флаг потеряли бесследно, другой при нужде в нем сделали кое-как наскоро, но опять и об этом не сохранили никаких исторических памятей. О том, что флаг был сооружен для плавання митрополита Никанора, помнят некоторые из доживающих свой век иноков и мрян, но мне ни от одного из них не удалось узнать – какой именно был этот флаг и куда он делся после экспедиции митрополита на Валаам? Полагают, что и этот флаг тоже пропал, а о том, что именно он изображал, говорят гадательно и разноречиво: одни говорят, будто «были нашиты какие-то кресты», а А. А. Вагнеру «помнится», что на флаге были нарисованы атрибуты митрополичьего служебного облачения: митра, посох, трикирий и дикирий. А какое из этих сведений вернее – о том решительно сказать невозможно. (Прим. автора.)

Андрей Николаевич Муравьев имел очень дурной почерк и остерегался своих неладов с русской орфографией, а потому он не любил писать собственной рукою. Он обыкновенно диктовал свои сочинения которому-нибудь из «птенцов», назначавшихся по каждому случаю в должность «генерального писаря». Для получения более широкого и сильного вдохновения Муравьев во время диктовок надевал на себя, поверх полукафтаны с запонами, широкий бедуинский плащ и диктовал, ходя скоро по комнате, чтобы плащ на нем велся как будто от ветра в пустыне. Так настраивался он, «закидывая за себя Шатобриана» или «метая горящие угли на головы» мало почетительных к нему людей

[^^^]